

A.Беленок

К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕУСПЕХА

Как известно, жизненный успех является базовой категорией достижительной культуры. Система социального признания зачастую монополизирует трактовку жизненного успеха, относя к таковому преимущественно его финансовый подвид.

В мире, где достоинство человека оценивается его способностью быть потребителем, господствует спекулятивная стратегия успеха, согласно которой измерителями ценности личности являются имидж, рейтинги, гонорары, что выхолащивает само содержание жизнедеятельности как творчества, “жизни человека как совокупности достижений и неуспехов, реализованных возможностей и упущенных шансов” [1, с. 155].

Тот, кто не укладывается в варианты жизни, которым индивиды должны следовать, чтобы соответствовать общепринятым представлениям об успехе, заведомо объявляется неуспешным, неудачником. Несоответствие индивидуальной жизненной траектории “нормальной” модели успеха приводит к недооценке вклада таких лиц и даже к негативным санкциям к ним со стороны общества. Нередки случаи игнорирования со стороны общества и даже диффамация альтернативных моделей жизненного успеха, которые объявляются формами “девиантного поведения”.

Неуспех, несложившаяся судьба в современных украинских условиях, может, это невписанность в рыночные гонки? С точки зрения истеблишмента? Или мерок самого человека? Некоторые разновидности социального неуспеха в советское и постсоветское время и составляют предмет нашего внимания.

В украинской социологии проблема жизненного, социального, политического успеха получает все более шир-

рокое освещение (Л.Сохань, Е.Головаха, Л.Бевзенко, С.Бабенко и др.). Классическими по постижению феномена “чужого” признаны труды Г.Зиммеля, А.Шютца, З.Баумана. Обширная научная литература посвящена изучению маргинальности (Р. Парк, Э.Стоункист, Е.Ходус и др.), социально-экономического исключения (Ф.Бородкин, Т.Шипунова, В.Хмелько, С.Оксамитная, Н.Кабаченко, Н.Толстых и др.); анализ диссидентства как явления представлен в работах Л.Богораз и А.Даниэля, А.Зиновьева, А.Синявского, С.Кордонского, Г.Касьянова и др.; феномен внутренней эмиграции описан Г.Померанцем, Б.Хазановым, Е.Ивановой. В библиографии содержатся также попытки концептуализации понятий “социальная смерть” (И.Левченко), “эффект белой вороны” (Л.Березовая), “неуспех” (Д.Аврамов, П.Бояджиева, Г.Тульчинский). Критика теоретической и духовной ограниченности современного неолиберализма развернута в серии работ иностранных и отечественных авторов (С.Амин, С.Джордж, Н.Кляйн, А.Арсеенко).

Социальный неуспех в самом общем плане мы рассматриваем как результат индивидуального выбора личности и/или обусловленный вытеснением личности социумом вследствие ее конфликта с общественным строем, микросредой, даже с самой собой. Неуспех может быть вынужденным и добровольным. Принципиальная разница – был ли индивид вытеснен обществом на обочину социальной структуры или сам отошел в сторону, не желая и/или не имея возможности приспосабливаться.

Под неуспех в конкретной сфере маскируется и множественность идентификаций, несводимость ни к одной из них. Индивид может иметь успех в одном из видов жизнедеятельности и пребывать в состоянии неуспеха в другом. Неуспех может быть способом нравственного сопротивления, утверждением своего внутреннего мира, способом самозащиты, вызовом.

Не часто встречающаяся разновидность социального неуспеха – нежелание поддерживать иерархию несвобод-

ного общества. То есть низкая статусная позиция может быть как принудительной вследствие дискриминации, так и добровольной вследствие нежелания участвовать в соревновании не на равных. С.Крымский даже относит неуспех к одной из черт украинской ментальности, рассматривая его как “третий компонент в альтернативе победы или поражения – возможность оставаться непобежденными хотя бы в духе, духовно проявить несгибаемость воли и надежду в любых ситуациях” [2].

По А.Согомонову, “стремление к выделенности через достижение жизненного успеха и/или стремление к невыделенности и прочим видам социальной незаметности при сохранении исходной установки на жизненный успех через достижения различают две культурно-цивилизационные традиции – культуру достижительной выделенности и культуру достижительной не-выделенности” [3, с. 242]. Неуспех зачастую парадоксальным образом нуждается в “других”, в глазах которых его можно демонстрировать и оправдывать. Особым случаем, возможно, есть уклонение от успеха по pragматическим соображениям, для получения нравственного одобрения, оправдания безынициативного поведения и т. п. (так называемая показная скромность).

Образцы своеобразного нетипичного существования людей со временем способны увеличивать число их приверженцев и вести к изменению наличествующих социальных структур, способствуя появлению новых. Уклонение от успеха, таким образом, подтачивает имеющийся порядок и в перспективе ведет к смене системы иерархий.

На протяжении XX – начала XXI вв. изменились господствовавшие в массовом сознании и одобряемые обществом модели жизненного успеха. Самопровозгласив свой приоритет над умом, честью и совестью каждого гражданина СССР, сталинская КПСС утвердила строжайший режим запрета на свободную мысль. Карьеризм членов партии, имевших преимущества в служебном продвижении, определенная дискриминация и невостребованность

массы беспартийных представляли собой две стороны одной медали. При прочих равных условиях в СССР было легче сделать карьеру партийному, чем беспартийному, рабочему, чем интеллигенту, выходцу из территориальной периферии, чем жителю крупного города.

Партократия, которая регламентировала активность нескольких поколений советских людей, использовала весь арсенал средств для того, чтобы сделать невозможным коллективный протест, максимально затруднив индивидуальное сопротивление. Негативизм к существующему порядку в доперестроечный период выражался, не считая лояльности “верующих коммунистов”, посредством таких основных поведенческих моделей: 1) социальная мимикрия (наиболее распространенная); 2) андеграунд, альтернативная социальная жизнь; 3) аутсайдерство, эскапизм, уход в частную жизнь; 4) протест, диссидентство (наиболее радикальная).

Именно диссиденты были “гражданским обществом” советской поры. “Диссидентство как институт было необходимым элементом государственного устройства, а сами диссиденты в своем неприятии государства и соответствующем поведении – элементом общественной структуры” [4]. “Диссидент – это порождение самого советского общества, а не какие-то чужеродные в этом обществе элементы и не остатки какой-то старой, разбитой оппозиции, это дети советской системы, пришедшие в противоречие с идеологией и психологией отцов” [5]. Они игнорировали советскую идеологию, так как любое внимание к ней укрепляло ее.

Приспособленческое поведение, социальная мимикрия, двуличие в обществе подробно исследованы в работах А.Зиновьева, О.Хархордина, В.Городяненко, А.Лобановой. “Не у каждого человека достаточно сил, чтобы проявить гражданское мужество, живя в условиях тоталитарного режима. Но чрезвычайно важно уметь говорить правду самому себе, держаться внутренней справедливости, не оправдывать себя, свой конформизм”, – писал С.Аверинцев [6].

То, что в СССР в 1960–1970-е годы механизмы официального социального контроля не доходили до всех граждан и позволяли им жить в определенной степени автономно от власти, говорит об известных степенях свободы в рамках прежней системы. Советский социум был во времена застоя прежде всего обществом “ниш”: тот, кто хотел уклониться от индоктринации, от претензий государства на идеологическое господство, уединялся в частные заповедные зоны, “ниши”. Организовывая в своем социальном окружении ниши, можно было чувствовать себя в безопасности от неучастия во всеобщей лжи. Для построения образа “иного” использовалась стратегия негативной идентификации, основанная не на прямом оппозиционировании официальному курсу, а на латентном сопротивлении, выражавшемся в дистанцировании от города как символа публичности; в неучастии в праздновании официальных праздников; в отрицании официальной культуры и попытке создания собственной, альтернативной; в акценте на антипотребительском характере стиля жизни и т. п.

Сергей Макаров, герой фильма Р.Балаяна “Полеты во сне и наяву” (1982) в исполнении О.Янковского является скорее ярким типом нереализованного человека в период, позднее названный эпохой застоя, когда другими его сверстниками любыми способами делались карьеры, чем представителем потерянного поколения рожденных в первой половине 1940-х годов. Такие люди, большую часть своей жизни прожившие в несвободной стране, были внутренне свободны.

Отказ главных героев романа В. Маканина “Андерграунд, или Герой нашего времени”, повести “Один и одна” от житейских благ, от продвижения по службе, от карьеры, от всего, чего они могли достичь, поступившись идеалами молодости, и есть тот единственный волевой шаг, который могли совершить люди такого типа, не желая “терять себя”, сохранив последним доступным им способом лицо. Достойное стремление выстоять вопреки всему не в силах

оценить те, кто привык мерить деяния человека суммой приобретенных благ, знаками признания со стороны общества.

Но даже диссиденты брежневских времен в большинстве своем стремились не к развалу коммунистического государства, глубоко им враждебного, а требовали выполнения этим государством его же собственных законов и международных обязательств, боролись за совершенствование и реформирование государства.

В сегодняшнем дне все больше примет продленного прошедшего времени. В 1991–1992 гг. народ не заметил, как “элитами” были подменены цели реформирования советского общества, а когда осознал, система сложилась, и быстрые изменения стали невозможными. Народу не была возвращена власть и собственность, узурпированная партийно-хозяйственной бюрократией, в ходе приватизации не были созданы равные для всех стартовые условия для перехода к рынку.

Люди, поддержавшие в начале 1990-х переход от командно-административной модели социализма к демократии, испытали подлинный и до сих пор не прошедший шок от того, во что она трансформировалась в реальности. Едва выйдя из одного тупика, постсоветский социум по исторической спирали угодил в другой. Гибридный характер нового общественного строя, унаследовавшего худшие черты строя-предшественника (номенклатурный, олигархический капитализм в имитационно-демократической, псевдорыночной оболочке), порождает новые несвободы, а значит, создает почву для появления новых диссидентов. Социально-психологический надрыв в освоении новой экономической и политической реальности обернулся за истекшие полтора десятилетия массовой апатией и хронической усталостью “человеческого материала”.

За годы независимости Украины народное большинство (люди среднего и старшего поколений) второй раз платит цену эксплуатации, которую оно уже заплатило во время государственного социализма, когда карьеры и

прибыли зависели от близости к верхушке административно-бюрократической иерархии. Одним из самых негативных последствий стало разрушение системы духовных ценностей. Индивид в Украине, поставивший себе цель сохранения и воспроизводства духовных ценностей, практически не вписывается в современный “рынок”, он для него лишний. В условиях господства медиакратии, нецивилизованного рынка образуется система выбраковки всего сложного, самоценного, неутилитарного, и новые “лишние люди” опять инстинктивно уходят из его поля.

Акцентированно сравнивая несравнимое, то есть результаты индивидуально-экзистенциальных проектов, некоторые исследователи создают искусственную иерархию, “ложную стратификацию”, некорректно возвышающую одних и понижающую других. В новых подходах к исследованию успеха в качестве успешных (либо неуспешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но прежде всего аксиологическая составляющая целей человека успеха. Такое уточнение означает акцентирование в оценочном содержании успеха точки отсчета на нормативно-ценостной шкале конкретного социального субъекта, самого индивида – в том числе.

Успех не сводится только к эффективности и результативности, говоря о победителях, мы часто пренебрегаем сферой социально возможного, но не реализованного, начатого, но не завершенного и соответственно не раскрытого социально, бывшего в данности, но исчезнувшего из социального бытия. “Стереотипное поведение чаще становится предметом социологического и исторического анализа, поскольку через героев и “типичных представителей” проходит доминанта эпохи. Исследование судеб “белых ворон” дает другое – представление о диапазоне выбора в данную эпоху, об ее альтернативных возможностях” [7, с. 130].

Люди, которые смогли не только выжить в 1990-е годы, но и сохранить личное достоинство и внутреннюю свободу

в рамках общества, не получают должной оценки и остаются непонятными. Для социолога расколдовывать часть мира, не имеющую статуса в традиционных иерархиях и потому как бы невидимую, является важным профессиональным делом.

Различные виды жизненного успеха определяются по различным основаниям, измеряются по разным критериям, с неодинаковым соотношением в них объективных и субъективных компонентов. Сводить все механизмы жизненного успеха к одной лишь восходящей мобильности – значит соглашаться на серьезное упрощение. В постиндустриальном, информационном обществе, к которому переходит Украина, вознаграждаются новые установки и действия, актуализируются новые ценности и модели поведения. Использование только прежнего социального опыта уже не гарантирует ни социальной компетентности, ни жизненного успеха. Разные возможные варианты жизненного успеха обладают разной значимостью для индивида, из чего выстраивается определенный баланс личностных приобретений и потерь. Особено важно изучение соотношения ориентации на успех–неуспех на протяжении всего жизненного пути личности.

Литература

1. Бояджиева П. Социология неуспеха // Социологические проблемы. – 2001. – № 3–4.
2. Крымский С. Ментальные ценности в контексте избирательной кампании // День. – 2004. – 3 августа.
3. Оправдание морали. – Москва; Тюмень, 2000.
4. Кордонский С. Диссидентство в обществоведении // Украинский обозреватель. – 1992. – № 12.
5. Синявский А. Диссидентство как личный опыт // Юность. – 1989. – № 5.
6. День. – 2001. – 5 октября.
7. Березовая Л. Нетипичная личность в историческом пространстве, или Эффект “белой вороны” // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6.